

УДК 821.161.1

СУДЬБА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И.В. ЛЬВОВОЙ

© 2010 г.

Д.А. Евдокимова

Петрозаводский госуниверситет

dianaevdokimova@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.03.2010

Рассматривается проза современной петрозаводской писательницы И. Львовой, чьи героини находятся в постоянных поисках счастья и свободы, но не могут преодолеть своих внутренних стереотипов. Предметом анализа являются как сами стереотипы, так и разнообразные попытки их преодоления.

Ключевые слова: провинция, образ женщины, одиночество, гендерные стереотипы.

Петрозаводский прозаик Ирина Львова – один из наиболее интересных писателей в современной русской литературе Карелии. Она входит в число авторов, которым было уделено внимание в академической «Истории литературы Карелии», ее произведения публиковались как в петрозаводских, так и в петербургских изданиях. К настоящему времени ею были подготовлены два авторских сборника «Если бы нас спросили» (2003) и «Вариации» (2009).

В центре внимания писательницы судьбы одиноких провинциальных женщин. Их род занятий порой очень трудно определить, но в большинстве своем это представители интеллектуальных профессий: писательницы, учительницы, преподавательницы.

Само слово *провинциальный* встречается в прозе Львовой неоднократно. Так, например, героиня рассказа «Начало» однажды оказывается в актовом зале *провинциального университета*, чтобы увидеть *настоящего писателя*, а затем получает в качестве гонорара *истории о жалкой судьбе провинциалки*. Героиня рассказа «И она стояла на пороге с улыбкой» возвращается домой *в провинцию* [91]¹, в заметках «С другой стороны» американская жизнь все время сравнивается с жизнью русской провинции.

Провинция предстает в прозе Львовой как *заснеженная наша берлога*, где жизнь напоминает *жизнь в слепом подземелье* [«Две встречи», 95–96], *здесь, в теплом, законопаченном от сквозняков углу цветет наивная вера в справедливость* [«Семидесятые», 21]. Как и положено, провинция противопоставлена *большим городам*, которые кажутся источником счастья: *Однажды зимним утром выпала мне поездка в Питер, упала как созревшее яблоко в садах фортуны* [«Две встречи», 96]; *провинция устремлялась в столицы за счастливой жизнью* —

за сытой едой, деньгами, одеждой [«С другой стороны», 104]. Но обратно героини Львовой возвращаются с пустыми руками, так и не узнав, *в чем состоит счастье*, за которым они уезжали («И она стояла на пороге с улыбкой», 90).

Путешествие в *столицы* является центральной темой многих рассказов и повести «Дом, о котором мы мечтали». Оно осмысливается в художественном мире Львовой как попытка кардинально изменить жизнь. Например, в рассказе «Путешествие» почти бессмысленная поездка в Москву превращается в значимое событие: *Все меняется разом, вдруг, без всякого приготовления, и начинается новая жизнь, бодрая, мускулистая, без лени, без жира привычек* [«Путешествие», 186]. Путешествие воспринимается как начало жизненного движения, потому что в провинции жизнь неподвижна.

В своей положительной оценке путешествия героини категоричны. Видимо, с этим связана и другая особенность семантики путешествия в столицу – ожидание провала в конце. Героиня не верит в те надежды, которые у нее возникают в связи с дальней поездкой. *Я и ехала провалиться, узнать горечь непризнания и замесить из нее глину для нового повествования. И все же я не ожидала провала...*, – рассуждает героиня повести «Дом, о котором мы мечтали» [44]. Ей вторит героиня рассказа «Путешествие»: *Мне хотелось пройти путь всякого героя, который приезжает в большой город <...> меня увлекла мысль пройти по старым безнадёжным тропам. Я ходила по редакциям, как это делали все неудачники, и неудача не обошла меня стороной* [«Путешествие», 195].

Как бы героиня ни стремилась в столицу, в глубине души она мечтает о возвращении назад: *странное, почти радостное чувство испыты-*

вала я; силы переполняли меня, и предчувствие близкого настоящего счастья заставляло меня улыбаться, – размышляет героиня повести «Дом, о котором мы мечтали» после того, как поезд покидает пределы Петербурга. Дом, о котором мечтает героиня, тоже находится далеко от больших городов, в глухой деревушке, куда нельзя доехать даже на автобусе [«Дом, о котором мы мечтали», 33]. Героиня чувствует, что мир перед ней распахнулся, дверь в него открыта, когда слышит? как в лесной глубине зазвучал мощный мажор птичьего пения, где не хватает только человеческого голоса [«Дом, о котором мы мечтали», 37]. Не случайно свое счастье героиня рассказа «Две встречи» неоднократно называет *васильковым*, отказываясь от попыток устроить свою жизнь в большом цивилизованном мире. Оказавшись в Америке, героиня заметок «С другой стороны» ищет уголки, напоминающие ей русскую провинцию, поэтому из сумасшедшего Нью-Йорка она удирает в провинциальный город чиновников [123–124] Вашингтон, где есть постель и подобие уюта [162].

В критической литературе, посвященной И. Львовой, многократно говорилось об одиночестве ее героинь и о духе одиночества, который пронизывает все творчество писательницы. Но это одиночество парадоксально.

Провинциальная жизнь, казалось бы, исключает одиночество: *В провинции одиночество — непонятная прихоть* [«И она стояла на пороге с улыбкой», 91]. Одиночество — атрибут больших городов: *Большие города не принимают ничего постороннего в себя, они человеческие, слишком человеческие; в них негде селиться чудесам и тайнам, зато здесь так много места для человеческого одиночества* [«Путешествие», 194]. Но если большие города воспринимаются как источники положительного начала, то и их атрибуты получают положительную оценку. *Я глотала воздух одиночества, который казался мне воздухом свободы*, говорит главная героиня рассказа «И она стояла...», и здесь мы видим противопоставление ее как существа духовного обычным, заурядным людям, которые тоже устремлялись в столицы, но в поисках земных ценностей: *за сытой едой, деньгами, одеждой* [«С другой стороны», 104].

Жизнь героинь И. Львовой почти бессобытийна. В рассказе «Из книги судеб» у *дородных женщин*, наполняющих каждый вечер дворы пыльного городишки, неподвижные лица, обыденные слова и неподвижные тела. Их жизнь пуста и безмерна, потому что к вечернему часу все сериалы были просмотрены и домашняя

работа сделана, а ночь все не наставала, и нужно было жить и о чем-то заботиться [«Из книги судеб», 45–46]. Героини Львовой боятся жить, ищут предлога, чтобы отложить события на потом: *Нам даже нравилась заснеженная наша берлога, в ней уютно было дремать, мечтать, откладывая жизнь до прихода весны* [«Две встречи», 96]. Так, девушка из рассказа «Фантазия» *живет словно наполовину, словно фантазирует, а не живет* [63]. Описывая женский мир, где живет девочка Юля из рассказа «В июле», автор сообщает нам, что здесь *предчувствия значили больше, чем факты, и желание становилось опытом* [78].

Причину своего одиночества героини И. Львовой ищут в окружающем их мире, который не дает возможности реализоваться их личности. *Я оказалась вдали от дома, в маленьком городке, в стесненных обстоятельствах* [«Путешествие», 174]. Они ждут перемен, готовятся к ним и все время удивляются, что эти перемены никак не наступают: *Я просыпалась с надеждой, что новый день неожиданно приведет меня туда, где воздух напоен свободой, где жить так же легко, как и дышать. Каждый день я ждала известий о путешествии* [«Две встречи», 95].

Героини Львовой страдают от одиночества, не в силах его преодолеть, но находят в нем своеобразную жизненную мудрость: *не нужно усилий, чтоб ее усвоить, — достаточно просто жить, проходить круг за кругом, каждый год, возвращаясь ко дню, с которого все началось* [«День рождения», 203].

За физическим одиночеством в произведениях И. Львовой открывается обреченность человека на одиночество, которое невозможно преодолеть, даже общаясь с другими людьми: *Иногда она думает, что жизнь вообще не с кем разделить, и дело не в том, что нет никого рядом, а в том, что твоя жизнь никому, кроме тебя, больше не принадлежит и принадлежать не может* [«Фантазия», 64–65].

Героини страдают от своей бездеятельности и некоммуникабельности. *Мне же счастье не давалось. За что бы я ни бралась, все очень скоро казалось мне постылым, люди утомляли меня раньше, чем я успевала к ним привыкнуть. Я думала о своей судьбе. Может быть, как и все члены нашей семьи, я отравлена горечью, мешающей ощущать вкус жизни?* — делает вывод девушка из рассказа И. Львовой «И она стояла на пороге с улыбкой» [94]. Героиня И. Львовой жалуется, что занятия кажутся ей постылыми, а люди утомительными, но ни о какой своей деятельности она не говорит, и

единственными ее близкими людьми являются пятеро одиноких женщин – три сестры и их незамужние подруги [90]. Героиня чувствует себя одинокой, подчеркивает, что она привезла свое одиночество из столицы.

Во многих произведениях И. Львовой повествователь высказывает свое мнение о том, что является отличительной чертой русской провинциальной женщины. Опираясь на эти высказывания, мы легко можем составить общую картину.

По мнению повествователя, *женщинам никогда не написать ничего стоящего. В их жизни мало что происходит, и они обречены рассказывать о том, что происходит, когда не происходит ничего* [«Начало», 28]. Это связано с тем, что женский удел – *удел мелочей*: это будни с тысячами завтраков, обедов, ужинов, грязной посудой после них, со стиркой и мытьем [«Путешествие», 173]. Женщина обречена нести на себе груз домашнего хозяйства, из-за этого ее жизнь однообразна, тяжела и малоинтересна. Женщина не может проявить себя в интеллектуальной сфере, она не способна жить умственным трудом, она слишком связана с природой и зависит от нее: *Женская участь похожа на участь растения – оно живет неподвижно, бессознательно, следуя природному ритму* [«Дом, о котором мы мечтали», 6]. При этом женщина сравнивается скорее с беззащитным растением, нежным, подобным цветку или ростку будущего дерева.

Отсюда особое положение женщины в обществе – она не может быть руководителем, политиком, общественным деятелем, философом: *От женщины не ждут ни ума, ни хватки, ей не быть ни деспотом, посылающим людей на бойню, ни пушечным мясом. Она не делает историю, не стремится проникнуть в тайны мироздания: она всего лишь терпеливая работница, та, что молчаливо прядет невидимые нити, привязывающие людей к земле, к ее безличной и несокрушимой силе* [«Дом, о котором мы мечтали», 39].

Поэтому женщина не может быть свободна и самостоятельна, она все время от кого-то и от чего-то зависит. Если же она еще не обрела зависимость, то стремится это сделать побыстрее. Такое стремление героиня рассказа «Джудит Моррис» видит, например, в юных слушательницах своих лекций: *Слушательницы мои оказались робкими девушками, стеснявшимися жить и тяготившимися необходимостью распорядиться собою, они хотели немедленно отдать свою жизнь с ненужным ее беспокойством на что-нибудь полезное и доброе, на то,*

чтобы родить новую жизнь, которая будет сознательна и бодра [«Джудит Моррис», 5] ... *У женщины выбор не велик, – рассуждает главная героиня повести «Дом, о котором мы мечтали, – или в монастырь или замуж за дурака* [27]. Подобные же рассуждения можно найти в рассказе «Американка»: *бестрепетно соединяю меланхолическое «Punch, brothers» с остроумным «иди в монастырь» и добавляю от себя: «или замуж за дурака»* [180].

Для творчества Львовой характерен образ женщины, которая живет в небольшом «городшке», не может из него вырваться, ее жизнь неподвижна? и лишь призрачные мечты о свободной и счастливой жизни в другом месте украшают ее существование. Некоторые героини чувствуют в себе писательский дар, но они не могут реализовать его, потому что писать им не о чем, и они ищут приключений, *чтобы их описать* [«Путешествие», 176]. И в поисках приключений они едут в большие города или в Америку. Но, оказавшись в *столицах*, они стараются убежать с шумных улиц, спрятаться в парках, маленьких уютных двориках или возвращаются домой с чувством потерянного счастья.

Героини Львовой страдают от одиночества, которое кажется им роковым, метафизическим. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что их одиночество является всего лишь ролью, желанием быть похожими на столичных жителей.

Женщина в художественном мире Львовой не может быть свободна и самостоятельна, она все время от кого-то и от чего-то зависит. Она обвиняет в своей несвободе внешний мир, но есть основания предполагать, что истинной причиной такой зависимости являются стереотипы, которые ей руководят.

Примечание

При цитировании произведений И.В. Львовой в скобках после цитаты указываются название текста и номер страницы. Тексты цитируются по следующим изданиям:

– «Из книги судеб», «Фантазия», «В июле», «И она стояла на пороге с улыбкой», «Две встречи», «С другой стороны», «Американка», «День рождения» – Львова И.В. Если бы нас спросили... Петрозаводск, 2003.

– «Джудит Моррис», «Начало», «С другой стороны», «Путешествие» – Львова И.В. Вариации. Петрозаводск, 2009.

– «Дом, о котором мы мечтали» – Львова И.В. Дом, о котором мы мечтали // Север. 1998. № 2. С. 5–50.

THE FATE OF A PROVINCIAL WOMAN IN THE WRITINGS OF I.V. LVOVA

D.A. Evdokimova

The paper analyses the prose of the modern writer I. Lvova from Petrozavodsk, whose heroines are in a constant search of happiness and freedom, but cannot overcome their inner stereotypes. The analysis is focused on such stereotypes and various attempts to overcome them.

Keywords: province, the image of woman, loneliness, gender stereotypes.